

На правах рукописи

Макаров Александр Сергеевич

**КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ ПОДРОСТКОВОЙ
ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ В ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ РЕСПУБЛИКИ
ТАТАРСТАН**

специальность 22.00.04 – Социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Нижний Новгород, 2007

Диссертация выполнена на кафедре социальной и политической конфликтологии
Казанского государственного технологического университета

Научный руководитель - доктор социологических наук, профессор

Салагаев Александр Леонидович

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор

Смирнова Надежда Владимировна

доктор социологических наук, доцент

Ясавеев Искэндэр Габдрахманович

Ведущая организация: **Кубанский государственный университет**

Защита состоится 13 ноября 2007 г. в 17:00 часов на заседании диссертационного
совета Д 212.166.14 при Нижегородском государственном университете им. Н.И.
Лобачевского по адресу:

603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д.7, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале фундаментальной библиотеки
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, пр. Гагарина, д.23,
корпус 1.

Автореферат разослан «12» октября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук,
доцент

Е.Е. Кутявина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социальные трансформации, произошедшие в России на рубеже 1980-90-х гг., внесли существенные изменения не только в экономическую и политическую системы российского общества, но также затронули сферу культуры. Это выразилось как в разрушении стереотипов и развенчании мифов советской эпохи, так и одновременном формировании новых, адекватных изменившимся условиям.

В первую очередь эти изменения в мировосприятии коснулись наиболее обсуждаемых сторон жизни общества, таких как участие в политической жизни, развитие экономических свобод, борьба с преступностью и т.д.

Если первые два направления предполагали личное участие индивида, то преступность (особенно в советское время) была латентным явлением, о реальных масштабах которого большинству советских граждан было практически ничего не известно. Если в городах-столицах союзных республик наравне с официальными существовали еще и альтернативные источники информации, то в провинции единственной заменой им могли быть только слухи и личный опыт. Данный факт способствовал устойчивости представлений о том, что «в СССР нет преступности». Содержание материалов СМИ Татарской АССР тех лет только подкрепляло эти представления. В конце 1970-х – начале 1980-х сообщения о преступности (на всех уровнях) в республиканской прессе были редкостью и появлялись только в постоянной газетной рубрике, такой как «Будни милиции» или «На страже порядка». Тем большим шоком для тогдашних функционеров был внезапный реальный рост организованной преступности, выразившийся, в первую очередь, в деятельности казанской организованной преступной группировки «Тяп-Ляп». В городе начался рост подростковой делинквентности, достигшей своего пика в середине 1980-х гг. и сошедшей на нет к началу 1990-х гг. вследствие «встраивания» молодежной преступности в криминальный бизнес.

Особые законы функционирования института СМИ в те времена не могли позволить журналистам оперативно реагировать на происшествия. Увеличение объемов самой противоречивой информации относительно «казанского феномена» (причины, последствия, способы борьбы и пути искоренения явления) впоследствии привело к волнообразному росту сообщений в СМИ и формированию моральных паник, выразившихся в том, что «группировщики» стали для населения Казани олицетворением общей «моральной деградации» молодежи и виновниками всех бед, происходящих вокруг.

Сложность репрезентации проблемы молодежной делинквентности в то время заключалась еще и в том, что эта проблема тесно соприкасалась с так называемым «молодежным вопросом», заключавшимся в необходимости «воспитания» советской молодежи в духе идеалов коммунизма. Постепенное разочарование большинства населения в социалистической модели и последовавшее за этим падение интереса к комсомолу осложняло задачу объяснения и противостояния растущей подростковой делинквентности.

После распада СССР острота молодежного вопроса намного уменьшилась: потеряла актуальность задача «воспитания советского человека» и «построения коммунистического общества». Делинквентная молодежь, в целом, выпала из официальной повестки дня, проиграв конкуренцию иным социальным проблемам, а СМИ переориентировались на новые стандарты репрезентации материала – зрелищность, сенсационность, «кровавость».

Тревожной тенденцией последних лет является новый виток повышения страха населения перед делинквентной молодежью. Можно согласиться с мнением Джозефа Янга, полагающего, что сегодня основным объектом моральных паник является среда социально исключенной молодежи¹, классическими представителями которой на Западе являются «безработные получатели социальных пособий», а у нас враждующие между собой «нелегальные мигранты» и «скинхеды». Опасность новых паник обуславливается тем, что, во-первых, социальное расслоение и социальное исключение с каждым днем становятся все более чувствительными, а во-вторых, статус «социальной исключенности» отдельных социальных групп ежедневно подкрепляется «скандальными» сообщениями СМИ. В этом смысле можно говорить о возможности возникновения «долговременных моральных паник» в противовес «кратковременным моральным паникам» (С. Коэн).

Таким образом, рост недоверия населения к делинквентной молодежи, с одной стороны, и увеличение масштабов и форм делинквентной активности молодежи, с другой – свидетельствуют об актуальности существующей проблемной ситуации.

Степень научной разработанности проблемы. Социологическое изучение преступности и средств массовой информации невозможно без обращения к наследию классиков социологической мысли, заложивших теоретико-методологические основы социологического подхода как такового. В частности, в нашей работе мы используем идеи К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Э. Гуссерля и А. Шюца, Т. Парсонса и Р. Мертона, Ч.Р. Миллса и Дж. Ритцера².

Важнейшей для различения точек зрения на природу социальной реальности является концепция социологических парадигм, разработанная Т. Куном, а также А. Шиманским и Дж. Кинлохом³.

¹ Young, J. Moral panics, Margate and Mary Poppins: Mysterious happenings in south coast seaside towns / J. Young // *Crime Media Culture*. - 2005. - №1. - p. 100.

² Ritzer, G. *Sociology: A Multiple Paradigm Science* / G. Ritzer. - Boston, 1975; Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. - СПб.: Союз, 1998. - 496 с.; Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда; Метод социологии / Э. Дюркгейм; пер. А.Б. Гофмана. - М.: Наука, 1991. - 572 с.; Вебер, М. Избранное. Образ общества. / М. Вебер; пер. И. Левиной - М.: Юрист, 1994. - 702 с.; Маркс, К., Энгельс, Ф. *Немецкая идеология* / К. Маркс, Ф. Энгельс // собр. соч.: в 3 т. - М.: Изд-во полит. лит., - Т.3; Мертон, Р. *Социальная структура и аномия* / Р. Мертон // *Социологические исследования*. - 1992. - №2-4; Т. Парсонс. *О структуре социального действия* / Т. Парсонс. - М.: Академический проект, 2000.; Миллс, Ч.Р. *Социологическое воображение* / Ч.Р. Миллс. - М., 1998; Шюц, А. *Структура повседневного мышления* / А. Шюц // *Социологические исследования*. - 1988. - № 2; Гуссерль, Э. *Идеи чистой феноменологии* / Э. Гуссерль.- М., 1994.

³ Кун, Т. *Структура научных революций* / Т. Кун. - М.: Прогресс, 1977. - 300 с.; Шиманский, А. *Три социологические парадигмы* / А. Шиманский // *Структурно-функциональный анализ в современной социологии: Информационный бюллетень ИКСИ*. - 1968. - № 6. - Вып. 1.; Kinloch, G.C. *Sociological theory: Its development at major paradigms* / G.C. Kinloch. - N.Y., 1977.

Используя парадигмальный подход, а также классификацию подходов к осмыслению феномена преступности, предложенную А.Л. Салагаевым, множество зарубежных и отечественных работ, выполненных на стыке социологии и криминологии, можно развести по нескольким направлениям: функционалистское (Р. Мертон, Р. Кловард и Л. Олин¹), конфликтно-радикальное (Д. Волд, О. Терк, У. Чемблисс, Р. Дарендорф, Л. Козер²), исследование социального контроля (У. Реклесс, А. Най, Т. Хирши, Д. Гарланд³), а также бихевиористский подход (Б. Скиннер, Дж. Хоманс⁴), интеракционистское (Э. Лемерт, Г. Беккер, Г. Сайкс и Д. Матза⁵) и конструкционистское (Ф. Дэвис, Н. Кристи⁶) направления.

Общая методология конструкционизма, используемая в работе, восходит к философской феноменологической теории, а также социологическому конструкционизму П. Бергера и Т. Лукмана⁷. В социологии социальных проблем конструкционистский подход использовали Г. Блумер, М. Спектор и Дж. Китсьюз, Дж. Бест, Д. Лазик⁸ и др.

В отечественной традиции исследования преступности наиболее распространенным является нормативно-правовой подход в рамках юридических наук (В.М. Артемов, Ю.М. Антонян⁹). Ряд исследователей работает на стыке криминологии и социологии (что в отечественной традиции получило название девиантологии) – это, в первую очередь, Я.И. Гишинский и

---

¹ Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социологические исследования. – 1992. – №2-4; Cloward, R.A. Delinquency and opportunity: A theory of delinquent gangs / R.A. Cloward, L. Olin. – New York: Free Press, 1960.

² Vold, G. Theoretical criminology / G. Vold. – NY., 1958; Turk, A. Criminology and legal order / A. Turk. – Chicago, 1969; Chambliss, W. Crime and legal process / W. Chambliss // Law, order and power. – Mass, 1971.; Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – №5. – С. 142-147; Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер - М.: Идея Пресс, 2000. – 205 с.

³ Reckless, W.C. Criminal Behavior / W.C. Reckless. – New York: McGraw-Hill, 1940; Nye, I. Family relationships and delinquent behavior / I. Nye. – New York: Wiley, 1958. – 168 p.; Hirschi, T. Causes of delinquency / T. Hirschi. – Berkeley, CA: University of California Press, 1969. – 309 p.; Garland, D. The Culture of Control / D. Garland // Crime and Social Order in Contemporary Society. – Chicago: The University of Chicago Press, 2001.

⁴ Skinner, B.F. Beyond Freedom and Dignity / B.F. Skinner. – New York: Bantam Vintage, 1972; Хоманс, Дж. Социальное поведение как обмен / Дж. Хоманс // Современная зарубежная социальная психология: сб. ст. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – С. 82-91.

⁵ Lemert, E. Human deviance, social problems, and social control / E. Lemert. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall., 1967; Becker, H. Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance / H. Becker. – New York: The Free Press, 1963; Sykes, G. Techniques of Neutralization / G. Sykes, D. Matza // American Sociological Review. – 1957. – №22

⁶ Кристи, Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / Н. Кристи – М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. – 224 с.; Davis, F. Crime news in Colorado newspapers / F. Davis // American Journal of Sociology. – 1951. – №57. – pp. 325-330.

⁷ Шпигельберг, Г. Феноменологическое движение / Г. Шпигельберг - М., 2003; Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

⁸ Блумер, Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Г. Блумер // Контексты современности – II: Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. – С. 153-158; Спектор, М. Конструирование социальных проблем / М. Спектор, Дж. Китсьюз; Контексты современности – II: Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. – С. 160-163; Бест, Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем / Дж. Бест; Контексты современности – II: Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. – С.164–175; Loseke, D. Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives (Social Problems and Social Issues) / D. Loseke. – New York, Aldine de Gruyter, 1999.

⁹ Артемов, В.М. Социально-культурная ориентация правоохранительных органов / В.М. Артемов // Социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 51-55; Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян и др. - М.: Юристъ, 1996. - 334 с.

А.Л. Салагаев, а также В.В. Лунеев, Ю.Ю. Комлев, В.Н. Демидов, Л.Г. Толчинский¹.

Достаточно развитым направлением в отечественной криминологии является исследование подростковой делинквентности (А. Салагаев, Л. Агеева, Л. Прокументов, Р. Булатов и А. Шеслер, Е. Омельченко²). Большинство перечисленных работ выполнено в функционалистской традиции.

Общетеоретические подходы к изучению природы средств массовой информации представлены в работах исследователей функционалистского направления (Г. Лассуэл, Р. Мертон и П. Лазарсфельд³), критического направления (А. Грамши, Л. Альтюссер, Т. Адорно и М. Хоркхаймер⁴), семиотического направления (Р. Барт, У. Эко, Т. Ван Дейк⁵), конструкционистского направления (М. Маккомбс и Д. Шоу, С. Хилгартнер и Ч. Боск⁶ и пр.)

В отечественной науке исследование СМИ в советский период велось в рамках изучения проблем информационно-пропагандистской деятельности (А. Здравомыслов, М. Лауристин, Б.А. Грушин, Б.М. Фирсов⁷), а в российский период – как направление исследования публич рилейшенз и рекламы (И.В. Алешина, В.П. Терин, Г.Г. Почепцов⁸). Комплексные исследования СМИ

¹ Гишинский, Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория / Я.И. Гишинский // Социологические исследования. – 1991. – № 4. – С. 72-78; Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Молодежные группировки - опыт пилотного исследования // Социологические исследования. - 2004. - № 9. - С. 50-58; Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. - Москва: Волтерс Клувер, 2005; Комлев Ю.Ю. Опыт мониторинговых исследований в Татарстане // Социологические исследования. - 1993. - № 1. - С. 110-113; Комлев, Ю.Ю. Средства массовой информации в коммуникативной деятельности органов внутренних дел: проблемы теории и практики / Ю.Ю. Комлев, Л.Г. Толчинский, В.Н. Демидов – М.: ВНИИ МВД России, 2001. – 204 с.

² Салагаев, А.Л. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности / А.Л. Салагаев, А.В. Шашкин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5. – № 1. – С. 151-160.; Агеева, Л.В. Казанский феномен: миф и реальность / Л.В. Агеева. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. – 295 с.; Прокументов, Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение / Л.М. Прокументов. - Томск, 2001. - 280 с.; Булатов, Р.М. Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки (уголовно-правовые и криминологические аспекты) / Р.М. Булатов, А.В. Шеслер. – Казань: Таткнигоиздат, 1994. – 158 с.; Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко - М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 261 с.

³ Lazarsfeld, P. Communication, popular taste and organized social action / P. Lazarsfeld, R. Merton // Bryson (ed.). The Communication of Ideas. New York: Harper and Brothers, 1948; Лассуэл, Г. Коммуникативный процесс и его структуры / Г. Лассуэл // Современные проблемы социальной коммуникации: сб. ст. – СПб., 1996.

⁴ Грамши, А. Тюремные тетради. / А. Грамши // Собр. соч. : в 3 т. - М., Иностранная литература, 1959. – 565 с.; Althusser, L. Lenin and philosophy and other essays / L. Althusser. – London: New Left Books, 1971; Хоркхаймер, М., Диалектика Просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М.: 2003.

⁵ Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. / Р. Барт; пер. Г.К. Косиков. - М.: Прогресс, 1994. – 616 с.; Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко – СПб.: Симпозиум, 2005 – 502 с.; Дейк ван, Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. - М.: Высшая школа, 1989.

⁶ McCombs, M.E., The agenda setting function of mass media / M.E. McCombs, D.L. Shaw // Public Opinion Quarterly. – 1972. - №36. - p. 176-187; Хилгартнер, С. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / С. Хилгартнер, Ч.Л. Боск // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. – Казань, 2002. - С.18-54.

⁷ Здравомыслов, А.Г. Потребности. Интересы. Ценности / А.Г. Здравомыслов - М.: Политиздат, 1986. – 221 с.; Лауристин, М. Роль социальных установок в восприятии газетного текста / М. Лауристин, П. Вихалемм // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации): сб. ст. - М.: 1976.; Грушин, Б.А. Эффективность массовой информации и пропаганды: понятие и проблемы измерения. / Б.А. Грушин – М.: Знание, 1979. – 64 с.; Массовая коммуникация в условиях научно-технической революции / Под ред. Фирсова Б.М. - Л., 1981.

⁸ Алешина, И.В. Паблич рилейшенз для менеджеров / И.В. Алешина – М.: ИКФ «ЭКМОС»; 2003. – 479 с.; Терин, В.П. Массовая коммуникация: исследование опыта Запада. / В.П. Терин – М.: Московский

сегодня осуществляются М.М. Назаровым, Е. Дьяковой и Трахтенберг, Л.В.Федотовой¹ и др.

Общим эффектом воздействия СМИ на аудиторию посвящены работы таких западных исследователей, как Дж. Ватт и С. ван дер Берг, Р. Бэр и С. Иэнгар, Г. Гербнер, Ф. Яблонски, Д. Грэбер, Дж. О'Киф и К. Рейд-Нэш² и многих других. Диспропорции в освещении различных видов преступлений российскими СМИ изучались И.Г. Ясавеевым и Ю.Ю. Комлевым³.

Чрезвычайно популярное на Западе исследование эффектов, оказываемых СМИ на аудиторию вследствие демонстрации актов насилия (М. Маккомбс и Д. Шоу, К. Кинник, Г. Камерон и Д. Кругман⁴), в отечественной науке недостаточно распространено (И. Ясавеев, У. Блюдина⁵).

Особым направлением исследования негативных социальных эффектов, вызываемых СМИ, является исследование «моральных паник», возникающих вследствие чрезмерной драматизации тех или иных преступлений (С. Коэн, Б. Гуд, Н. Бен-Йехуда, Дж. Янг⁶). В отечественной социальной науке данное направление разрабатывают У. Блюдина и П. Мейлахс⁷.

Таким образом, несмотря на общую популярность проблематики подростковой делинквентности в западном и российском научных дискурсах, до сих пор крайне редко встречаются работы, в которых она исследуется с конструкционистской точки зрения: не как объективное социальное условие, а

государственный институт (университет) международных отношений, МИД РФ, Кафедра философии, 2000. – 224 с.; Почепцов, Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов / Г.Г. Почепцов – М.-К.: Рефл-бук-Ваклер, 2001

¹ Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М.М. Назаров – М.: УРСС, 2000. – 240 с.; Дьякова, Е.Г. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 130 с.; Федотова, Л.Н. Социология массовой коммуникации / Л.Н. Федотова – СПб.: Питер, 2004. – 397 с.

² Watt J.H. Time series analysis of alternative media effects theories / J.H. Watt, S.A. van den Berg // *Communication Yearbook 2*, New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1978. – pp. 215-224; Behr, R. L. Television news, real-world cues, and changes in the public agenda / R.L. Behr, S. Iyengar // *Public Opinion Quarterly*. – 1985. - № 49. – pp. 38-57; Gerbner, G. Violence and Terror in the Mass Media / G. Gerbner. - Paris: UNESCO., 1988; Jablonski, P.M. Terrorism and the United States government: The effects of official definition and agenda-setting on media coverage / P.M. Jablonski. - Unpublished Master's Thesis. The Florida State University, Tallahassee, Florida, 1992; Graber, D. Crime news and the public / D. Graber. - New York: Praeger Publishers, 1980; O'Keefe, G.J., Crime news and real-world blues / G.J. O'Keefe, K. Reid-Nash // *Communication Research*. – 1987. - №14 – pp. 147-163.

³ Ясавеев, И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 200 с.; Комлев, Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации / Ю.Ю. Комлев. – Казань, 2003.

⁴ McCombs, M.E. The agenda setting function of mass media / M.E. McCombs, D.L. Shaw // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. - №36. - p. 176-187; Кинник, К. Усталость сострадать»: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем / К. Кинник, Г. Камерон, Кругман Д. // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. – Казань, 2002. - С.187-217.

⁵ Ясавеев, И.Г. ВИЧ-инфекция и средства массовой коммуникации: порочный круг отсутствующей событийности / И.Г. Ясавеев // Газеты малых городов: верстается первая полоса. – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2002. – С.104-112; Блюдина, У. Молодежные культуры, масс медиа и феномен «моральных паник» / У. Блюдина // Другое поле. - Ульяновск: Средневожский научный центр, 2000. – С. 53-63.

⁶ Cohen, S. Folk devils and moral panics. The creation of the mods and rockers / S. Cohen. - Oxford; 1987; Goode, E. The Social Construction of Deviance / E. Goode, N. Ben-Yehuda. – Oxford: Blackwell, 1994; Young, J. Moral panics, Margate and Mary Poppins: Mysterious happenings in south coast seaside towns / J. Young // *Crime Media Culture*. - 2005. - №1.

⁷ Блюдина, У. Молодежные культуры, масс медиа и феномен «моральных паник» / У. Блюдина // Другое поле / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Средневожский научный центр, 2000. – С. 53-63; Мейлахс, П. Четвертая мировая война или очередная моральная паника? / П. Мейлахс // Нева. – 2004. – №1.

как продукт сознательной конструкционистской деятельности. Осмысление подростковой делинквентности («казанского феномена») в конце 1980-х – начале 1990-х гг. осуществлялось преимущественно в рамках нормативно-правового и журналистского дискурсов, к настоящему моменту данная тематика практически полностью исчезла из фокуса общественного и научного внимания. Малораспространенными в российской социальной науке являются исследования повседневной деятельности журналистов, освещающих криминальную тематику.

Таким образом, **научная проблема** исследования заключается в том, что к настоящему моменту не выявлены причины «нормализации» проблемы подростковой делинквентности в дискурсе СМИ (и в публичном дискурсе в целом), что препятствует осмыслению современных тенденций развития делинквентных практик.

Объектом исследования является процесс конструирования социальной проблемы подростковой делинквентности в символическом пространстве средств массовой информации.

Предметом – способы воздействия различных акторов на конструирование проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Татарской АССР и Республики Татарстан.

Цель - выявление способов конструирования социальной проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Татарской АССР и Республики Татарстан (в период с 1980 до конца 1990-х гг.) на основе анализа влияния различных акторов на репрезентацию этой проблемы.

Основные задачи:

– Обосновать выбор конструкционистской методологии в качестве базовой для анализа деятельности по конструированию проблемы подростковой делинквентности в средствах массовой информации (СМИ).

– Рассмотреть основные подходы к исследованию деятельности СМИ в отечественной и западной науке, а также осуществить классификацию основных эффектов воздействия СМИ на аудиторию при репрезентации информации на криминальную тематику.

– Определить специфику деятельности журналистов, освещающих криминальную тематику, в советский и постсоветский периоды.

– Выявить изменения в способах конструирования проблемы подростковой делинквентности («казанский феномен») в печатных изданиях в период с 1979 по 1999 гг.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концептуальные положения, сформулированные в трудах П. Бергера и Т. Лукмана, М. Спектора и Дж. Китсьюза, С. Хилгартнера и Ч. Боска, М. Маккомбса и Д. Шоу и принадлежащие к конструкционистскому подходу в социальной науке. Специфика предмета исследования обусловила применение методов сбора эмпирического материала, принадлежащих как к качественной (глубинные интервью, анализ документов), так и количественной традиции (массовый опрос населения) исследования.

Эмпирическая база диссертации. В диссертации анализируются данные исследования мнения жителей г. Казани о криминогенной ситуации в городе (массовый опрос, выборка – 500 человек), осуществленного Центром аналитических исследований и разработок (г. Казань) при участии автора в 2004 г.; некоторые результаты исследования «Рука руку моет: неформальные связи организованных преступных группировок с правоохранительными органами Республики Татарстан» (экспертный опрос журналистов, освещающих криминальную тематику в республиканских и городских газетах, 18 интервью), осуществленного Центром аналитических исследований и разработок при участии автора в 2005 г., а также результаты исследования газет «Советская Татария»/«Республика Татарстан», «Комсомолец Татари»/«Молодежь Татарстана» и «Вечерняя Казань» (анализ документов, изучалось содержание газет за 1979, 1984, 1989, 1994 и 1999 гг.), выполненного автором в качественной традиции анализа медиа-текста. В работе использованы данные уголовно-правовой статистики, нормативно-правовые акты Татарской АССР, Республики Татарстан и г. Казани, ведомственные программы и приказы, информационные материалы. Также в работе используется вторичный анализ данных исследований (массовый опрос населения и контент-анализ), проведенных в Республике Татарстан Ю.Ю. Комлевым в 2003 и 2004 гг.

Научная новизна исследования:

- Исследование социальной проблемы подростковой делинквентности в СССР и России осуществляется в контексте конструкционистского подхода к исследованию социальных проблем;
- На основе данных экспертного опроса, осуществленного автором, выявлено сходство советской и российской журналистики в способах контроля за репрезентацией информации по криминальной тематике и воздействия на аудиторию;
- Авторское исследование печатных изданий советского и российского периодов показало существование связи между ростом числа сообщений о подростковой делинквентности на страницах газет в конце 1980-х гг. и возникновением «моральных паник» по поводу «казанского феномена»;
- Выявлены причины (изменение функций СМИ и разрушение советской идеологии) и возможные последствия (феномен «усталости сострадать» и развитие долговременных моральных паник) «нормализации» проблемы подростковой делинквентности в текущем дискурсе СМИ.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Наиболее адекватным социологическим подходом к исследованию подростковой делинквентности как «социальной проблемы» является конструкционистский подход, принадлежащий к дефиниционистской социологической парадигме (по классификации Дж. Ритцера). Данный подход позволяет изучать эту проблему как процесс и промежуточный продукт выдвижения заинтересованными акторами некоторых утверждений требовательного характера (claims-making), способствующих повседневному переформулированию проблемы.

2. Средства массовой информации представляют собой не оружие «массовой пропаганды», а скорее публичную сферу (арену), на которой сталкиваются различные мнения, утверждения, гипотезы, в зависимости от доминирования которых устанавливается «повестка дня» – список актуальных «социальных проблем». При этом сходство СМИ советского и российского периодов заключается в существовании жесткой системы контроля над деятельностью журналистов. Таким образом, свобода журналистов в выборе риторики и стратегии конструирования социальных проблем оказывается ограниченной сложившимся «правилами игры» в публичной сфере.

3. Конструирование проблемы подростковой делинквентности в республиканских печатных изданиях (таких как «Советская Татария», «Вечерняя Казань» и в особенности «Комсомолец Татарии») привело к концу 1980-х гг. к неконтролируемому росту сообщений, в которых деятельность подростков была изображена в негативных тонах, что спровоцировало «моральную панику», выразившуюся в отождествлении аудиторией газет деятельности «группировок» с «моральной деградацией» всей молодежи.

4. Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности («казанский феномен») происходило в четыре этапа: предпроблемный, концептуализация проблемы, институционализация проблемы, «снятие» проблемы. При этом эволюции социальной проблемы подростковой делинквентности способствовала смена доминирующих дискурсов в СМИ: «дидактического» («делинквентов нужно воспитывать, а не наказывать»), «силового» («делинквентов нужно наказывать, а не воспитывать») и «попустительского» («о делинквентах нужно писать, потому что это нравится читателям»).

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы были представлены на различных конференциях и семинарах: «Вавиловские чтения» (г. Йошкар-Ола, 2004, 2005, 2006), «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, 2005), «Современное российское общество: состояние и перспективы» (г. Казань, 2006), «Девиация и делинквентность: социальный контроль» (Нижний Новгород, 2006), «Дискурсология: методология, теория, практика» (Екатеринбург, 2006), а также на VII Международном конгрессе восточно-европейских исследований (ICSEES 2007, Берлин) и исследовательском семинаре по проекту «Society and Lifestyles» в г. Каунас (2007).

Результаты исследования отражены в 12 публикациях, общим объемом 3,45 п.л., из них 2 в рецензируемых изданиях.

Теоретическое и практическое значение исследования. Результаты исследования значительно расширяют теоретические представления о том, как журналисты, ученые, сотрудники правоохранительных органов и другие акторы участвуют в конструировании проблемы подростковой делинквентности. Выявление автором этапов эволюции проблемы подростковой делинквентности в дискурсе СМИ может содействовать дальнейшим исследованиям делинквентных практик и их значения в жизни общества.

Практическое применение некоторых выводов автора может позволить избежать возникновения новых «моральных паник». Материал диссертации также может быть использован в преподавании учебных курсов социологии социальных институтов и процессов, социологии массовых коммуникаций, девиантологии и криминологии, а также теории журналистики.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключение, библиографического списка (188 источников) и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обосновывается актуальность проблемы исследования, формулируются цель, задачи, объект и предмет, теоретическая основа и эмпирическая база диссертации, излагаются положения, выносимые на защиту, определяются научная и практическая значимость и апробация результатов исследования, раскрываются методология и научная новизна работы.

В первой главе СМИ И ПРЕСТУПНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ формулируется теоретико-методологическая основа исследования, а также дается краткий обзор зарубежных исследований способов репрезентации проблемы преступности в СМИ.

В первом параграфе первой главы «*Основные теоретико-методологические подходы к исследованию социальной проблемы преступности*» рассматриваются функционалистский, конфликтный, интеракционистский, конструкционистский подходы к изучению феномена преступности и обосновываются преимущества последнего при исследовании преступности как социальной проблемы.

В современной социологии и криминологии существует множество подходов к исследованию молодежной преступности и деятельности делинквентных групп. Согласно типологии, предложенной Дж. Ритцером, все эти подходы могут быть отнесены к трем общесоциологическим парадигмам: фактуалистской, дефиниционистской и бихевиористской.

Типология Дж. Ритцера объединяет в одной парадигме функционалистский и конфликтный подходы. Сторонники структурного функционализма рассматривают общество в качестве функциональной интегрированной системы, основанной на естественных законах, потребностях и общественном разделении труда. В этом смысле задача социолога заключается в описании существенных характеристик социальных фактов (в дюркгеймовском смысле), установлении их взаимосвязи, взаимодействия и функционирования в системе социального целого.

Популярность функционализма в социальной науке в середине XX века предопределила его современное методологическое доминирование в криминологии и девиантологии, в первую очередь, в виде теорий аномии и социального контроля. Родоначальником «аномического» подхода к исследованию преступности является Э. Дюркгейм, по мнению которого преступность способствует эволюции норм морали и права, господствующих в обществе, и, таким образом, является «функциональной» для данного общества.

«Общесоциологический» статус теории аномии получила благодаря работам Р. Мертон, согласно которому общество само поощряет индивида совершать девиантные поступки, акцентируя внимание на «успехе» как смысле жизни, а также концепции фрустрации статуса Р. Кловарда и Л. Олина.

Принципиально иные задачи ставят перед собой сторонники разнообразных теорий социального контроля. Можно сказать, что объектом их исследовательского интереса является даже не девиантное, а конформное поведение, его причины и возможные способы регулирования. Изначально концепция социального контроля имела весьма отдаленное отношение к функционалистской социологической традиции (У. Реклесс), тем не менее, в работах А. Ная, Т. Хирши и Д. Гарланда внимание акцентируется на *общественной* функции социального контроля.

Сторонники конфликтного подхода, в отличие от функционалистов, полагают, что социальная система основана на эксплуатации одних социальных групп другими, а корни преступности необходимо искать в конфликтной природе общества, базирующегося на экономическом неравенстве и эксплуатации одних социальных групп другими. Развитие этого подхода связано главным образом с переосмыслением марксистских и постмарксистских идей. Первым о делинквентности как о следствии социального конфликта заявил Д. Волд, впервые отделивший поведение индивида от его определения (квалификации) со стороны других. Точка зрения Волда была развита Остином Терком, заявившим о том, что приобретение статуса преступника зависит, в первую очередь, не от индивидуальных действий человека, а от определения его таковым официальной властью. Той же логике следуют работы Уильяма Чемблисса. Таким образом, представители конфликтного подхода к исследованию преступности признают, что пенитенциарная система предназначена не для защиты общества от преступности, а для подавления масс.

Таким образом, социологи, работающие в рамках фактуалистской парадигмы, рассматривают общество как целостную взаимосвязанную систему и ставят вопросы о причинах и сущности тех или иных общественных явлений. Иначе говоря, они концентрируют внимание на *объективных* условиях существования делинквентного поведения (именно поэтому данное направление в целом можно назвать «объективистским»), пытаются дать им научное объяснение и предложить меры по исправлению ситуации. Сегодня «объективистский» подход к изучению преступности является доминирующим в отечественном научном дискурсе (отчасти благодаря сильной «юридической» традиции в российской криминологии и девиантологии). Вместе с тем, нельзя не отметить, что начиная с середины XX века, «объективизм» на Западе постепенно сдает позиции.

Бихевиористская парадигма в типологии Дж. Ритцера представлена не столь распространенным в общесоциологическом дискурсе подходом социального бихевиоризма (Дж. Хоманс, П. Блау и др.). Сторонники бихевиористского подхода полагают, что социальное поведение (подобно экономическому взаимодействию) является процессом обмена (материального

и нематериального), в котором участники стремятся максимизировать выгоду (материальную или нематериальную) и минимизировать затраты. Существование современных структур обмена (социальных групп, институтов, структуры) объясняется действием социально-психологических принципов, согласно которым, чем чаще отдельное действие вознаграждается, тем чаще индивиды стремятся воспроизводить это действие и наоборот.

Внимание бихевиористов к преступности в большинстве случаев сводилось к поиску возможных способов исправления личности делинквента и профилактики делинквентного поведения (Б.Ф. Скиннер) при помощи позитивного или негативного подкрепления поведения человека.

Принципиально иные научные подходы были отнесены Дж. Ритцером к так называемой парадигме социальных дефиниций (дефиниционистской). Общефилософским основанием дефиниционистской парадигмы является феноменологическая философия (Э. Гуссерль, А. Шюц). Дефиниционистская парадигма в социологии чаще всего ассоциируется с микросоциологическими теориями, среди которых наиболее известной является символический интеракционизм. Его сторонники уходят от обсуждения вопросов социальных структур, институтов, организаций, конфликтов и изменений, рассматривая их на уровне предположений о действительности, имеющей хаотичный и случайный характер. Интеракционистский подход к исследованию преступности широко известен благодаря концепции «наклеивания ярлыков» (Э. Лемерт, Г. Беккер), согласно которой любое отклонение является не свойством того акта, который совершил индивид, а следствием применения другими индивидами правил и санкций к «нарушителю».

Иным подходом, принадлежащим к дефиниционистской парадигме, является социальный конструкционизм, базирующийся на социальной феноменологии А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана. Сторонники социального конструкционизма предложили отказаться от изучения объективных социальных условий существования того или иного феномена в пользу изучения действий (риторики) заинтересованных индивидов или групп относительно этих условий. Менее строгая версия («контекстуальный конструкционизм», по классификации Дж. Беста) допускает обращение к контексту существования того объекта, в отношении которого осуществляется «проблематизирующая» риторика.

Как в западной, так и в российской науке конструкционистский подход наиболее активно развивается в рамках социологии социальных проблем. В повседневной жизни люди достаточно часто сталкиваются со случаями упоминания понятия «социальная проблема» в обыденном смысле; конструкционисты же предлагают определять социальные проблемы как деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий (М. Спектор, Дж. Китсьюз).

Вместе с тем к данному определению может быть предъявлен ряд замечаний. Так, в частности, процессуальное определение социальной проблемы, осуществленное в отрыве от объективных социальных условий, не

позволяет определить границы данного явления. Попыткой ответить на этот вопрос является анализ этапов конструкционистской деятельности или «стадий социальной проблемы» (Г. Блумер, М. Спектор, Дж. Китсьюз). На этой основе мы считаем возможным развести понятие «предпроблемы» и «институциональной проблемы».

Таким образом, основными преимуществами конструкционистского подхода по сравнению с традиционными объективистскими подходами являются:

- возможность изучения преступности не как объективного условия, а как «социальной проблемы», т.е. артефакта, в конструировании которого принимает участие множество акторов (СМИ, ученые, органы власти, отдельные граждане);

- внимание к повседневной деятельности людей – активной проблематизации и трансляции утверждений требовательного характера по каналам массовой коммуникации и восприятию получаемых репрезентаций аудиторией;

- объяснение причины изменения, появления или повышения популярности тех или иных «социальных проблем» в разные исторические периоды вследствие изменения степени общественного признания.

Данные преимущества обуславливают наш выбор в пользу дефиниционистской парадигмы в целом и конструкционистского подхода, в частности.

Во втором параграфе первой главы *«Теоретические подходы к исследованию освещения социальной проблемы преступности в средствах массовой информации»* сравниваются основные традиции исследования массовой информации (функционалистский, критический, семиотический и пр.); более подробно анализируются концепции «публичных арен» и «установления повестки дня», относящиеся к конструкционистскому подходу к исследованию СМИ. В параграфе делается краткий обзор зарубежных работ, посвященных исследованию воздействия криминальных новостей на аудиторию.

В современном обществе социальный опыт любого человека имеет множество составляющих, среди которых немаловажным является восприятие информации по каналам массовой коммуникации. Многогранность функционирования СМИ, с одной стороны, объясняет многообразие исследовательских подходов к изучению массовой информации, с другой, затрудняет возможность их классификации.

Одной из самых популярных традиций исследования СМИ во всем мире является структурный функционализм (Р. Мертон, П. Лазарсфельд, Г. Лассуэл), сторонники которого рассматривают СМИ как социальные системы, состоящие из подсистем и вписанные, в свою очередь, в некую «сверхсистему», представляющую собой общество как таковое. Функция СМИ заключается в удовлетворении различных потребностей аудитории и распространении общественно приемлемых норм и стандартов. Функционалистский подход к исследованию массовой информации был и остается доминирующим в

советской и постсоветской социальной науке, вместе с тем эта точка зрения сегодня выглядит несколько устаревшей.

В рамках (пост)марксистской традиции исследования сущности взаимодействия СМИ и аудитории можно свести к распространению различных идеологий и социальных мифов, создаваемых конкретными социальными группами в конкретных социально-исторических условиях. Применение концепции идеологии к исследованию функционирования СМИ позволяет рассматривать медиа-текст как своего рода поле борьбы за доминирование.

Принципиально иным подходом к исследованию СМИ является «семиотический» подход, перемещающий фокус исследовательского внимания на содержание текстов СМИ, смыслы и значения, воспринимаемые аудиторией. В фокусе семиотики находятся знаки как носители значений; коды, или системы, в которые знаки организованы; культура, в рамках которой знаки и коды существуют.

Примером конструкционистского подхода к исследованию СМИ в рамках социологии социальных проблем является концепция «публичных арен» (С. Хилгартнер и Ч. Боск), согласно которой «коллективные определения социальных проблем существуют не в некоем неопределенном пространстве, таком, как общество или общественное мнение, а на конкретных публичных «аренах», где проблемы формулируются и растут¹». К числу подобных публичных арен относятся СМИ. Значимость СМИ для конструирования социальной проблемы преступности подтверждается тем, что, по данным опросов, проводимых во всем мире, подавляющее большинство людей черпает информацию о преступности из электронных или печатных изданий.

Рассмотрение СМИ как «арен», на которых социальные проблемы «конкурируют» между собой за общественное признание, наглядно объясняет причины стабильного присутствия проблемы преступности в общественном дискурсе. За этой конкуренцией кроется столкновение самых различных точек зрения, отражающих интересы различных агентов конструирования социальных проблем (сотрудники правоохранительных органов, эксперты, ученые, педагоги и даже сами читатели или зрители). При этом необходимо учитывать, что СМИ обладают собственными практиками проблематизации тех или иных явлений и оказывают «посредническое» влияние на процесс конструирования проблемы преступности. Отбор материалов для презентации осуществляется так называемыми «гейткиперами» (gatekeepers) – продюсерами, редакторами СМИ, при этом предпочтение отдается не тем преступлениям, которые совершаются чаще, но тем, которые вызывают стабильный интерес читателя.

Иным подходом к объяснению иерархии социальных проблем по степени общественного признания, является концепция «установления повестки дня» (М. Маккомбс и Д. Шоу). На основании результатов эмпирических исследований был сделан вывод о том, что основной эффект воздействия масс-медиа на аудиторию проявляется в сфере информирования, а не изменения

---

¹ Хилгартнер, С. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / С. Хилгартнер, Ч.Л. Боск; // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. – Казань, 2002. - С.25.

установок. Таким образом, одной из основных причин повышения общественного внимания к тем или иным социальным проблемам является их постоянное обсуждение в средствах массовой информации.

Исследования взаимодействия масс-медиа и аудитории является одним из наиболее разработанных направлений в социологии массовой коммуникации. Дж. Ватт и С. Ван дер Берг свели все многообразие исследований к четырем основным подходам, описывающим характер этого взаимодействия. Согласно первому подходу, средства массовой информации фактически «создают» общественное мнение, напрямую определяя его содержание («теория магического снаряда» или «теория подкожной иглы»). Сторонники второго подхода, напротив, решающую роль отводят общественному мнению, утверждая, что предполагаемые мощные эффекты массовой коммуникации не имеют эмпирического подтверждения. Третий подход вообще отрицает наличие какой-либо связи между сообщениями СМИ и общественным мнением, соответственно, невозможно говорить об эффектах воздействия одного на другое. Наконец, сторонники четвертого подхода полагают, что СМИ скорее «соответствуют» общественным настроениям, и в этом смысле связь между ними является более или менее равносторонней. Этот подход в настоящий момент является доминирующим.

Критика способов репрезентации проблемы преступности в СМИ давно уже стала общим местом в западной социальной науке. На основе анализа имеющейся литературы мы считаем возможным свести содержание критических замечаний к пяти пунктам:

1. Интерпретация преступности в масс-медиа часто бывает пристрастной и необъективной.

2. Соотношение между различными видами преступлений в масс-медиа предстает в искаженном виде.

3. Журналисты в погоне за сенсацией преувеличивают и драматизируют насильственную преступность.

4. Журналисты освещают преступность поверхностно, тем самым создаются медийные «сценарии» или стереотипы преступлений, а социальный контекст и причинно-следственные связи игнорируются.

5. Журналисты подкрепляют многие из распространенных в обществе стереотипов, уделяя недостаточное или же чрезмерное внимание преступникам и жертвам разного возраста, пола, этнической принадлежности и пр.

Не меньшее количество западных исследований посвящено изучению эффектов, оказываемых криминальными новостями на аудиторию. В работе была осуществлена их классификация: было выявлено четыре основных типа эффектов:

1. Возникновение искаженного представления о распространенности тех или иных видов преступности и насилия;

2. Повышение страха перед насильственной преступностью;

3. Укоренение ложного представления о постоянном росте насильственной преступности;

4. Повышение популярности силовых методов борьбы с преступностью.

Особым эффектом воздействия СМИ на аудиторию является развитие так называемых «моральных паник» – случаев (не)намеренного представления заинтересованными лицами некоторых условий, личностей или групп лиц как «угрозы социальным ценностям и интересам» (С. Коэн). Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда предложили три теоретических модели объяснения возникновения моральных паник:

- Модель, акцентирующая внимание на обывателях (the grass roots model). С этой точки зрения, моральная паника является реакцией всего общества на долговременные раздражители.

- Модель, акцентирующая внимание на властных элитах (the elite-engineered model). Согласно этой модели, властные элиты могут организовывать начало моральных паник.

- Модель, акцентирующая внимание на группах по интересам (the interest group model). Это наиболее сбалансированная модель, сторонники которой полагают, что возникновение моральных паник является непреднамеренным следствием столкновения интересов различных социальных групп.

Основными опасностями моральной паники являются милитаризация общественного сознания, доминирование жестких, силовых методов решения проблемы, а также усиление панических настроений вследствие привлечения внимания к «проблеме». Для понимания причин и механизмов появления моральной паники вокруг проблемы подростковой делинквентности важно рассмотреть существующую ныне и существовавшую в советское время схему взаимодействия российских СМИ, внешней среды и аудитории.

Во второй главе настоящей работы ПРОБЛЕМА ПОДРОСТКОВОЙ ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ: СПОСОБЫ И ЭТАПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ В ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН приводятся результаты трех авторских исследований, посвященных эволюции проблемы преступности и подростковой делинквентности в республиканских СМИ.

В первом параграфе второй главы *«Основные способы освещения криминальных новостей средствами массовой информации Республики Татарстан»* сопоставляются способы репрезентации проблемы преступности современными СМИ Республики Татарстан, а также СМИ советского периода, выявляются практики скрытого контроля за деятельностью журналистов.

Результаты российских исследований, в том числе и осуществленных автором, показывают близость повседневной деятельности российских СМИ деятельности их западных коллег. Вместе с тем она во многом связана с советской журналистской традицией. В западной науке деятельность журналистов часто ассоциируется с работой промышленной фабрики, поскольку в ней присутствует та же четкость и слаженность действий. Данное сравнение послужило основой для термина «производство новостей». По мнению некоторых отечественных исследователей, главным отличием процесса производства новостей в России является трансформирующийся характер института СМИ, а самыми малоизученными закономерностями являются

практики намеренного контроля над производством новостей. Вместе с тем именно эта особенность свидетельствует о структурном родстве российской и советской журналистики.

Анализ результатов 16 неформализованных интервью с журналистами татарстанских газет, освещающими криминальную тематику, а также 2 интервью с экспертами, имеющими опыт работы в печатных изданиях советского и российского периодов (все интервью проведены автором), показывает, что контроль за содержанием журналистских материалов осуществляется на нескольких этапах:

1. Получение информации из официального или неофициального источника. Как показывают результаты опроса, журналист, более лояльный к власти, чаще получает ее напрямую из пресс-службы МВД, тогда как для оппозиционного журналиста данный канал закрыт. В советский период, по словам экспертов, взаимодействие между журналистами и правоохранительными органами было более тесным, а использование «неофициальных» источников практически невозможным.

2. Самоконтроль автора статьи. На данном этапе автор статьи систематизирует полученную информацию и осуществляет ее первичный анализ, тем самым в текст неизбежно попадает его собственная оценка событий. Опытный журналист трезво оценивает масштаб и характер проблемы, устанавливая для себя, каковы будут последствия выхода статьи. Именно на этом этапе рефлексии происходит становление идентичности журналиста, изучение которой, на наш взгляд, также представляет большой интерес. Этап самоконтроля, по мнению экспертов, был одним из важнейших в советской журналистике, а понимание границ собственных профессиональных возможностей закладывалось еще на университетской скамье.

3. Перепроверка информации в официальном источнике является необходимым элементом деятельности журналистов как российского, так и советского периодов. Основным каналом для сверки информации являются правоохранительные органы. Игнорирование «информационных фильтров» возможно, но это свойственно, в основном, начинающим репортерам. Впоследствии, оказавшись в условиях информационной изоляции, они вынуждены принимать «правила игры».

4. Контроль редактора. Основная задача редактора в современных печатных изданиях незначительно изменилась с советских времен и заключается в том, чтобы позволить изданию выжить в условиях экономических неурядиц, давления политической власти и пр. Различием является лишь характер препятствий – в 1980-е гг. они являлись идеологическими, в 1990-е гг. – коммерческими. Редактор выполняет функции посредника между журналистом и внешним агентом, поэтому организация заказных материалов, отказ в публикации по просьбе сторонних лиц осуществляется только через него.

5. Общественная реакция на вышедший материал. Ее характер определяется степенью контроля на предыдущих уровнях: от позитивной до нейтральной и негативной.

Таким образом, процесс взаимодействия агентов контроля с журналистами и между собой представляет собой сеть спонтанных коммуникаций, в которых агенты контроля пытаются навязывать свою точку зрения, а журналисты, находящиеся фактически в подчиненном положении, вынуждены принимать «правила игры». Так, интервью свидетельствуют о том, что контрдеятельность журналистов по противостоянию механизмам контроля незначительна. Если в советский период основная ставка в освещении делинквентности делалась на воспитательный эффект, то в российский период на зрелищность и сенсационность, что, в целом, близко ситуации на Западе.

В нынешних условиях журналист не имеет возможности заниматься собственными расследованиями, задавать «неудобные» вопросы, не рискуя потерять работу. Вследствие этого страницы газет наполняются информацией не проблемного, а развлекательного содержания. Тем самым внимание читателя отвлекается от некоторых латентных явлений современного общества. Тем не менее, даже в этих условиях любое криминальное сообщение, созданное журналистом, несет в себе элемент его субъективного восприятия, что не позволяет вычеркнуть СМИ из числа акторов, задействованных в конструировании социальных проблем.

Во втором параграфе второй главы *«Эволюция проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Татарской АССР и Республики Татарстан в 1979-1999 гг.»* выявляются основные этапы трансформации социальной проблемы подростковой делинквентности от предпроблемного состояния к развитию долговременных моральных паник в СМИ Татарской АССР и Республики Татарстан в этот период.

Специфика репрезентации проблемы подростковой делинквентности в масс-медиа существенно зависит от того, в какой стране и в какую историческую эпоху она осуществляется. Появление на страницах газет так называемого «казанского феномена» – тематизации новостей о подростковой делинквентности, приведшей к формированию «моральной паники» приходится на момент исторического перехода от советских печатных изданий к масс-медиа западного типа.

Авторское исследование содержания трех республиканских газет: «Вечерняя Казань», «Республика Татарстан» (до 1991 г. – «Советская Татария»), «Молодежь Татарстана» (до 1992 г. – «Комсомолец Татари») за 1979, 1984, 1989, 1994 и 1999 гг. позволило выявить этапы становления социальной проблемы подростковой делинквентности. Отбору подлежали статьи, в которых так или иначе упоминался факт подростковой делинквентности. Всего было отобрано 382 статьи. Анализ отобранного материала осуществлялся в качественной традиции исследования медиа-текста с элементами семиотического анализа и критического дискурс-анализа. При построении схемы анализа мы использовали концепцию дискурсивных блоков (Т. Ван Дейк), наиболее удобную для анализа используемой риторики. К числу дискурсивных блоков можно отнести: «Общие условия существования подростков», «Портрет делинквента», «Описание быта группировок» (с 1984 г.), «Объяснение причин отклоняющегося поведения», «Оценка уровня его

общественной опасности», «Способы воздействия на делинквента» и «Возвращение к нормальной жизни».

Использование дискурса-анализа в комбинации с концепцией конструирования социальных проблем М. Спектора и Дж. Китсьюза позволило выявить этапы развития (стадии) социальной проблемы подростковой делинквентности, которые исторически соответствуют изучаемым временным периодам:

1) 1979-1984 гг. – Предпроблемный период, характеризуемый формированием основных точек зрения на проблему подростковой делинквентности. Его ключевыми чертами является начало публичной дискуссии в СМИ и выдвижение первых утверждений требовательного характера акторами, проблематизирующими подростковую делинквентность на страницах газет.

2) 1984-1989 гг. – Период формулирования социальной проблемы, начала выдвижения утверждений требовательного характера и первой официальной реакции. Характерной чертой этапа 1984 года стало выдвижение на доминирующие позиции «дидактического» дискурса, поддержанного большинством читателей и экспертов и закрепившегося на нормативно-правовом уровне. В республиканских СМИ возрастает доля статей, подготовленных журналистами совместно с экспертами из различных областей знания, что, с одной стороны, повышает их информативность, с другой – способствует формированию негативных мифов и стереотипов. На наш взгляд, этот период в некоторой степени является периодом потери журналистского контроля над процессом конструирования социальной проблемы подростковой делинквентности вследствие постепенного разрушения советской молодежной политики.

3) 1989-1994 гг. – Период институционализации социальной проблемы подростковой делинквентности. Чрезмерная драматизация подростковой делинквентности, критика деятельности правоохранительных органов, рост числа материалов, констатирующих факт преступления, способствовали укреплению «силового» дискурса в обсуждении проблемы и развитию моральных паник.

4) 1994–1999 г. – Переход СМИ на новые стандарты деятельности в начале 1990-х гг., освобождение от «идеологического» давления существенно повлияло на риторiku и содержание статей, посвященных подростковой делинквентности. Количество материалов, в которых предпринимается попытка объяснить причины отклоняющегося поведения, постепенно сводится к минимуму. Также минимальным становится участие экспертов (педагогов, ученых, социальных работников) в подготовке журналистского материала. В большинстве случаев криминальная информация подается либо в спокойном, констатирующем ключе, либо эмоционально, с обилием подробностей. С одной стороны, это свидетельствует о сохранении общественного внимания к фактам подростковой делинквентности в рамках «попустительского» дискурса, с другой – говорит о «натурализации» проблемы, признании ее «естественно»

присущей современному обществу. Тем самым, с явления снимается проблемный статус.

Таким образом, в истории существования проблемы подростковой делинквентности можно выделить четыре основных этапа: предпроблемный; этап концептуализации социальной проблемы в рамках «дидактического» дискурса и реакции официальной власти; этап институционализации социальной проблемы подростковой делинквентности и замены «дидактического» дискурса «силовым»; этап «нормализации» проблемы, трансформации «моральной паники» из кратковременной в долговременную, а также оформление «попустительского» дискурса. Последний этап продолжается до сих пор, что не может не сказываться на текущих репрезентациях проблемы подростковой делинквентности в республиканских СМИ и грозит возникновением новых моральных паник.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ дается общая характеристика проведенного исследования, обобщаются основные социологические подходы к исследованию преступности, суммируются критические замечания западных ученых относительно освещения криминальной тематики в СМИ, устанавливается специфика функционирования СМИ в советский и российский периоды. На основе авторского исследования печатных изданий Республики Татарстан выявляются этапы и способы конструирования подростковой делинквентности в СМИ.

Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности осуществляется главным образом в пространстве СМИ, удовлетворяющем критериям доступности и публичности. В этом процессе участвуют не только журналисты, но и другие заинтересованные акторы – ученые, эксперты, сотрудники правоохранительных органов. В то же время специфика деятельности журналистов, заключающаяся в сопротивлении практикам идеологического и коммерческого контроля за содержанием материалов, накладывает существенный отпечаток на способы презентации проблемы в СМИ. Исторически это проявляется не только в увеличении или уменьшении количества публикаций, посвященных проблеме подростковой делинквентности, но и смене господствующих в СМИ дискурсов, влияющих на изменение общественных настроений.

Публикации по теме диссертации

1. Макаров А.С. Проблема насильственной преступности в Республике Татарстан: мнение населения и репрезентация в СМИ / А.С. Макаров // Вестник Казанского технологического университета. – Казань: Изд-во КГТУ, 2006. - №1. – С. 284–288. ISBN 5-7882-0339-2. (0,3 п.л.)

2. Макаров А.С. Коррупция как социальная проблема в российских телевизионных СМК: теория и практика конструирования / Е.А. Денисова, А.С. Макаров // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т.9. Вып. 4 (39). – С. 272–279. (0,25 п.л. / 0,25 п.л.)

3. Макаров А.С. Производство криминальных новостей средствами массовой информации Республики Татарстан: практики контроля / А.С. Макаров //

Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии: наркотизация, алкоголизация, преступность, коррупция. – М.: Институт социологии РАН, 2005. – С. 222–245. ISBN 5-89697-105-2. (1,5 п.л.)

4. Макаров А.С. Производство криминальных новостей СМИ Республики Татарстан / А.С. Макаров // Финансы. Экономика. Безопасность. – 2006. - № 7 (24). - С. 35–39. (0,3 п.л.)

5. Макаров А.С. Производство криминальных новостей СМИ Республики Татарстан / А.С. Макаров // Финансы. Экономика. Безопасность. – 2006. - № 8 (25). С. 41–45. (0,3 п.л.)

6. Макаров А.С. Дискурс молодежной преступности на страницах татарстанских газет / А.С. Макаров // Дискурсология: методология, теория, практика: Сб. докл. Междунар. научно-практ. конф., Екатеринбург, 15-16 декабря 2006 г. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – С. 76–77. ISBN 5-98728-019-2. (0,1 п.л.)

7. Макаров А.С. Проблема преступности в телевизионных программах новостей: особенности восприятия зрительской аудиторией / А.С. Макаров // Современное российское общество: состояние и перспективы (Первые казанские социологические чтения): Сб. материалов Всерос. научн. конф., Казань, 15-16 ноября 2005 г. Т.2 - Казань: Центр инновационных технологий, 2006. – С. 141–142. ISBN 5-93962-157-0. (0,1 п.л.)

8. Макаров А.С. Криминогенная ситуация в г. Казань: мнение населения и репрезентация в СМИ / А.С. Макаров // Девиация и делинквентность: социальный контроль: Сб. материалов Междунар. научно-практ. конф., Нижний Новгород, 21-22 апреля 2006 г., Т.2 – Нижний Новгород: НИСОЦ, 2006. – С. 38-40. ISBN 5-93116-080-9. (0,1 п.л.)

9. Макаров А.С. Проблема молодежной преступности на страницах татарстанских газет / А.С. Макаров // Безопасность человека, общества, природы в условиях глобализации как феномен науки и практики. Девятые Вавиловские чтения: Сб. материалов всерос. научн. конф. Ч. 1., Йошкар-Ола, 24-27 ноября 2006 г. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2006. - С. 128–130. ISBN 5-8158-0495-9. (0,1 п.л.)

10. Макаров А.С. Освещение проблемы коррупции в правоохранительных органах печатными СМИ Республики Татарстан / А.С. Макаров // Восьмые Вавиловские чтения. Мировоззрение и безопасность современного общества в фокусе научного знания и практики: Сб. материалов всерос. научн. конф., Йошкар-Ола, 18-19 ноября 2005 г. – Москва – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. – С. 155–158. ISBN 5-8158-0492-4. (0,2 п.л.)

11. Макаров А.С. Образ «оборотня в погонах» на страницах газет / А.С. Макаров // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Сб. тезисов научно-практ. конф., Санкт-Петербург, 20-21 апреля 2005 г. – СПб.: Роза мира, 2005. – С. 131–132. ISBN 5-85574 – 003 – х. (0,1 п.л.)

12. Макаров А.С. Анализ дискурса как метод изучения СМИ / А.С. Макаров // Седьмые Вавиловские чтения. Глобализация и проблемы национальной безопасности России в 21 веке: Сб. материалов всерос. научн. конф., Йошкар-Ола, 10-11 декабря 2003 г. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2003. – С. 137–138. ISBN 5-8158-0281-6. (0,1 п.л.)